
Хельга Эшвуд
Попаданка
из ивовой долины

Хельга Эшвуд

Попаданка из Ивовой Долины

https://litres.ru/74736033
SelfPub; 2026

Аннотация

Я привыкла доверять своему чутью и не могу пройти мимо того, кому нужна помощь. После несчастного случая я прихожу в себя на ферме несколько веков назад. Хозяин кормит коров испорченным кормом и не желает меня слушать.

Оставшись без работы, я отправляюсь навстречу новой жизни. Впереди — незнакомая Ивовая Долина, парфюмерная лавка, рыжий лисёнок и тайны, которые мне предстоит раскрыть.

Содержание

Глава 1. Запах беды 4
Глава 2. Дом у старой дороги 14
Глава 3. Дорога без указателей 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Хельга Эшвуд
Попаданка из Ивовой Долины

Глава 1. Запах беды

Телефон звонит, когда я уже сняла один ботинок.

Я смотрю на экран и устало прикрываю глаза. Ветеринарная клиника закрылась сорок минут назад. На столе в ординаторской остывает чай, в сумке лежат недописанные карточки пациентов, а дома ждут душ и кровать. Очень хочется сделать вид, что звонка не было.

Но звонит Костя, хозяин небольшой фермы за городом. Если он набирает после девяти вечера, значит, случилось что-то серьёзное. Или ему так кажется.

— Агата, у меня с коровой беда, — выпаливает он, едва я отвечаю. — Лежит, не встаёт. И дышит как-то странно.

— Какая корова? Сколько ей лет? Что ела? — Я снова обуваюсь и тянусь за курткой.

— Да обычная. Дворовая. Короче, приезжай. Я заплачу.

«Обычная корова» может означать что угодно: от лёгкого вздутия до состояния, когда счёт идёт на минуты. Я быстро записываю адрес, проверяю, что в сумке есть стетоскоп, тер-

мометр и всё необходимое, и бросаюсь к выходу.

За дверью клиники идёт сильный дождь. Вода бежит по ступеням ручьями, фонари расплываются золотыми пятнами, а лужи у обочины отражают небо, которого почти не видно.

Я натягиваю капюшон и бегу к машине.

На перекрёстке приходится резко затормозить. Машина впереди встаёт поперёк проезда, и я стучу ладонью по рулю.

— Ну конечно. Именно сегодня.

Набираю Костю на громкой связи.

— Я буду минут через двадцать. Если корова лежит на боку, осторожно поверни её на грудь. Не заставляй вставать. И ничего ей пока не давай.

— Она сама не встаёт. Я уже воды налил.

— Не надо было.

— Да ладно, воды-то.

Я выключаю звонок, выдыхаю и сворачиваю на боковую улицу. Навигатор ведёт меня через короткий проезд за закрытым складом. Объезд займёт лишние десять минут, и я уже представляю, как фермер встретит меня недовольным взглядом: «А мы тут, между прочим, ждём».

На повороте дорогу перекрывает лента. Впереди коммунальная машина мигает жёлтым маячком, а рабочие в дождевиках возятся у распахнутого электрощита.

Я останавливаюсь и смотрю на часы. До фермы двенадцать минут, если пройти через двор склада. Там есть пеше-

ходный проход — я ездила этим маршрутом не раз. Можно оставить машину на парковке у ворот, перебежать двор и с другой стороны вызвать такси.

«Быстро туда и обратно. Только не поскользнуться».

Я хватаю сумку и выхожу под дождь.

Вода тут же пробирается за воротник. Я захлопываю машину и бегу вдоль забора. У ворот склада темно, только над служебным входом горит тусклая лампа. За ним тянется асфальтовая площадка, пересечённая лужами. В глубине двора темнеет металлический навес; под ним стоят палеты и какие-то ящики.

Телефон вибрирует в кармане. Костя.

— Я уже почти там, — отвечаю я на бегу. — Как корова?

— Всё так же. Ты бы видела, как её раздуло…

— Не отходи от неё. Скоро буду.

Связь обрывается. Я ускоряю шаг и замечаю, что возле навеса провис провод. Чёрный, мокрый, почти невидимый в темноте, он свисает с опоры и касается воды у стены.

Я останавливаюсь.

С площадки доносится тонкий электрический треск. Я решаю обойти по дальней стене, подальше от лужи.

Делаю шаг в сторону — и слышу жалобный писк.

У самого навеса, среди картонных коробок, сидит щенок. Маленький, мокрый, с прижатым ухом. Он дрожит и не может выбраться из-под опрокинутого пластикового ящика.

Я сразу забываю про вызов и опоздание.

— Эй, малыш. Не бойся.

Щенок пытается отползти и скулит. Между ним и мной лежит широкая лужа. Я замираю, прикидывая, как добраться до него. Провод всё ещё потрескивает.

— Так. Сейчас я тебя достану. Только тихо.

Я ставлю сумку на сухой край бетонной площадки и обхожу лужу. Под ногами нащупывается узкая полоска земли, прижатая к стене. Ещё шаг. Ещё один. Пальцы касаются мокрого пластика, но ящик не поддаётся.

Щенок скулит. Придерживаю его ладонью, стараясь не напугать, и приподнимаю ящик. Тот сдвигается. Писк становится громче.

Тут моя правая нога скользит.

Успеваю только резко вдохнуть. Подошва съезжает с края бетонного выступа, ботинок опускается в воду, поздно замечаю, оборванный провод лежит в этой же луже.

Тело сводит так, будто невидимая рука вцепилась в каждую мышцу сразу. Я не могу отдёрнуть ногу или закричать. В глазах вспыхивает белый свет, а потом двор проваливается во тьму.

Последняя мысль: «Щенка бы вытащить».

***

Прихожу в себя от запаха.

Сначала мне кажется, что пахнет лекарствами — резко, едко, кисло. Потом к запаху примешиваются навоз, влажное сено и тяжёлое дыхание, где-то рядом мычит корова.

Пытаюсь открыть глаза, веки будто налились свинцом. Надо мной тёмные балки, сквозь щели между досками пробивается серый рассвет.

Лежу на соломе.

Голова гудит, во рту сухо, губы саднит. Шевелю пальцами, потом осторожно сгибаю руку. Рука слушается.

«Скорая? Больница?»

Приподнимаюсь на локте. На мне простая колючая рубаха и длинная юбка, испачканная землёй. Куртки, сумки и телефона рядом нет. Вместо пола — утрамбованная земля, сверху лежит солома. Из темноты на меня смотрят несколько пар огромных влажных глаз.

Я замираю. В памяти вспыхивают мокрый двор, щенок, ослепительный свет. Потом — пустота.

— Очнулась, наконец?

Голос доносится из-за перегородки. Мужской, недовольный.

Я поворачиваю голову. В дверях стоит крупный мужчина лет пятидесяти, в длинной куртке и высоких сапогах. Его лицо обрамляет густая борода, седая у подбородка. В одной руке он держит деревянный черпак, в другой — фонарь.

— Вы кто? — спрашиваю я.

— Это я у тебя спросить должен. Припёрлась ночью на ферму, упала возле хлева, теперь лежишь тут и вопросы задаёшь.

— Я была на улице, возле склада. Там щенок…

Мужчина усмехается.

— Нет тут никаких складов. И щенков тоже.

Медленно сажусь, опираясь на стену. В висках стреляет, закрываю глаза и заставляю себя дышать ровно.

Сон. Просто сон после удара током. Галлюцинация. В больнице мне дали успокоительное, и я приду в себя в палате, и все станет на свои места.

Только запах слишком настоящий: влажная солома, навоз, дым, кислый корм. И ещё что-то — тонкое, гнилостно-сладкое, знакомое до тревоги.

Поднимаю голову. Одна из коров беспокойно переступает ногами. Другая лежит у стены и тяжело дышит. Несколько животных выглядят вялыми, у одной шерсть на боках стоит дыбом.

— Они давно такие? — спрашиваю я.

— Кто?

— Коровы. Им плохо.

Мужчина хмурится.

— Скотина у меня здоровая.

— По виду этого не скажешь.

— Ты, девка, сначала сама на ноги встань, потом будешь мне рассказывать.

Он ставит черпак на бочку и выходит. Слышу, как отодвигается засов, дверь хлева скрипит, впуская холодный воздух и запах сырой земли.

Подтягиваю ноги и пытаюсь подняться. Колени дрожат,

держусь за стойку, пока перед глазами не перестают плыть тёмные пятна.

Вдоль стены стоят корыта, одном ещё осталась куча корма. Я наклоняюсь, стараясь не задеть содержимое руками.

Запах бьёт в нос, голова кружится еще сильнее.

Влажная мешанка забродила и начала портиться. В ней чувствуется кислая, почти спиртовая нота, а под ней — тяжёлый сладкий запах гниения. Такой запах невозможно перепутать с обычным силосом.

Прижимаю ладонь ко рту и смотрю на коров. Если они успели съесть много этой смеси, вздутие и беспокойство могут быть следствием брожения. Сначала нужно осмотреть животных, выяснить, сколько корма они получили, и позвать помощь.

Бросаюсь к двери.

Снаружи мужчина уже тащит к корыту ещё одно ведро. На рукаве его куртки темнеют влажные пятна. За его спиной, в загоне, коровы жмутся друг к другу. Несколько животных мычат протяжно и глухо.

— Не давайте им это! — кричу я.

Мужчина оборачивается.

— Чего?

— Корм испорчен. Его нельзя давать коровам. Посмотрите на них — у нескольких вздуты животы.

— Не учи меня хозяйству.

— Я ветеринар. По крайней мере, была…

Последние слова вырываются сами. Я запинаюсь. «Была» — почему была? Я же жива. Стою на ногах. Мысли снова тянутся к дождю, проводам, боли. Но сейчас нельзя отвлекаться.

— Позовите ветеринара, — говорю я. — И не кормите их этой смесью.

— Кто? Коновал у меня раз в месяц бывает. А ты кто такая, чтобы приказывать?

— Я не приказываю. Я говорю, что животным может стать хуже.

— Будешь мне указывать, чем кормить мой скот?

Он шагает ближе. Я замечаю, что мужчина тоже встревожен: губы сжаты, взгляд мечется от меня к коровам. Но вместо того чтобы признать проблему, он злится.

— Вы чувствуете запах? — Я указываю на ведро. — Корм прокис. Его нужно убрать и проверить животных.

— Корм нормальный. Вчера был нормальный, и сегодня нормальный.

— Он уже испортился.

— Хватит! — рявкает мужчина. — У меня тут не лечебница. У каждой скотины свой нрав. Пожрут, отлежатся — и встанут.

— Если у них вздутие, ждать опасно.

— А если я скажу, что опасно держать здесь чужаков, ты послушаешь?

Я смотрю ему прямо в глаза. В другое время я подбира-

ла бы слова осторожнее. На ферме, где хозяин привык решать всё сам, ссора может лишить меня единственного шанса получить помощь. Но коровы мычат, а запах испорченного корма никуда не исчезает.

— Вы можете злиться на меня сколько угодно, — говорю я. — Только уберите корм, пожалуйста, хотя бы до осмотра.

Мужчина молчит. Потом хватает меня за плечо и отодвигает от корыта.

— Сказал же — не лезь!

Я пошатываюсь, но удерживаюсь на ногах.

— Да вы же видите, что им плохо!

— А тебе видно, что ты здесь больше не работаешь.

На секунду я не нахожусь, что ответить. Я не знаю, где нахожусь, кто этот человек и как сюда попала. Не знаю, какой сейчас год и сколько времени прошло после удара. Но одно становится ясно: меня выгоняют, а коровы остаются больными.

— Хоть корм уберите, — говорю я. — Он их добьёт.

— Вон!

Мужчина указывает на ворота. Я оборачиваюсь к загону. Одна из коров тяжело опускается на колени, а затем ложится на бок. Живот у неё напряжён, дыхание частое.

— Её нельзя оставлять так! — Я бросаюсь к загону.

Хозяин перехватывает меня за локоть.

— Я сказал — вон!

— Пустите!

— Убирайся, пока я добрый.

В его голосе столько угрозы, что я невольно замираю. Мужчина отпускает меня и распахивает боковую дверь. Снаружи тянется узкий двор, за ним — дорога и серое поле, затянутое туманом.

Я переступаю порог.

Холодный воздух обжигает лицо. Я оглядываюсь на хлев. Изнутри доносятся мычание и тяжёлое дыхание животных, а поверх всего висит тот же кислый запах.

— Если передумаете — корм не давайте, — кричу я. — И вызовите лекаря для скота!

Мужчина захлопывает дверь перед моим носом.

Остаюсь одна во дворе. На мне чужая одежда, в карманах пусто, а за спиной — незнакомая ферма с больными коровами. Дорога впереди теряется в тумане.

Смотрю на свои ладони. Они дрожат — от холода, слабости или страха, не разобрать.

И только теперь я позволяю себе подумать о самом страшном: если я помню, как умерла, а проснулась здесь, значит, прежняя жизнь действительно закончилась.

За закрытой дверью снова мычит корова. Я сжимаю пальцы в кулак.

Сначала нужно понять, где я, потом — как выжить.

Глава 2. Дом у старой дороги

Стою у фермерских ворот и не знаю, куда идти.

Туман скрывает дорогу за поворотом. На мне тонкая рубаха и чужая юбка, ноги мёрзнут, а в голове всё ещё шумит после удара. За дверью хлева мычат коровы, заставляю себя отвернуться и иду к дороге.

Место кажется незнакомым, но ноги сами выбирают путь. Прохожу мимо низкой каменной ограды, сворачиваю у старой ивы и спускаюсь к ручью. Каждый поворот вызывает странное чувство: будто я здесь уже бывала. В памяти вспыхивают клочья чужой жизни — узкий мостик, покосившийся забор, дым из трубы. Я не успеваю ухватить эти образы. Они тают, оставляя лишь смутную тревогу.

За ручьём стоит небольшой дом с тёмной крышей. Узнаю его раньше, чем успеваю понять почему.

У крыльца лежат дрова. Рядом стоит деревянное ведро, на подоконнике виднеются горшки с засохшими травами. Я поднимаюсь по ступенькам и стучу.

Дверь открывается почти сразу.

На пороге появляется молодая женщина. На вид ей около тридцати. Волосы собраны в небрежный пучок, на плечах — тёплая шаль. Она смотрит на меня, и её лицо сначала светлеет от облегчения, а потом становится сердитым.

— Агата! Где ты была? Я всю ночь места себе не находила.

Она хватает меня за рукав и втягивает в дом.

— Ты промокла насквозь, садись к печи. Сейчас принесу сухую одежду.

Позволяю усадить себя на лавку. В комнате тепло, пахнет дымом, хлебом и сушёной мятой. На столе стоит глиняная миска с кашей, накрытая полотенцем.

Женщина суетится у печи, достаёт из сундука платье и шерстяные чулки. Смотрю на неё и пытаюсь вспомнить её имя. Оно будто лежит где-то совсем близко, но ускользает.

— Ты упала? — спрашивает она, заметив, что я разглядываю свои ладони. — Вся в ссадинах.

— Кажется. Голова болит.

— Где ты пропадала?

Я открываю рот и снова закрываю. С чего начать? С дождливой улицы, провода и щенка? Она решит, что я сошла с ума. Рассказать про коров? Это хотя бы можно объяснить.

— На ферме. У хозяина коровам плохо. Я сказала, что корм испорчен, а он меня выгнал.

Женщина останавливается. Платье остаётся у неё в руках.

— Ты спорила с ним? Агата, опять? Ты не помнишь, чем в прошлый раз это закончилось? Мы чуть с голоду не умерли, ничему тебя жизнь не учит!

А чем это все закончилось?

— Я пыталась предупредить. Коровы больны, несколько уже лежат.

— Агата, сколько раз я просила тебя не перечить хозяину?

— Она говорит тихо, голос у неё напряжённый. — У него крутой нрав. Чуть что — сразу выгонит. Вот и выгнал, ты у него пару дней не проработала!

— Он кормит их тухляком.

— Я не знаю, что он им даёт. Знаю только, что теперь у тебя нет работы.

Она кладёт платье рядом со мной и садится напротив. На её лице проступает усталость.

— А как мы жить будем? — спрашивает она. — У нас муки на несколько дней. Дрова тоже кончаются. Ты обещала принести деньги, а молоко мы где теперь брать будем?

Мне нечего ответить. Я опускаю взгляд на руки, под ногтями грязь, на костяшках мелкие царапины, на запястье проступает бледный синеватый след.

— Я найду другую работу, — говорю я.

— Где? В ближайших селениях? До них целый день пути.

— Не знаю. Но оставаться там, пока животные умирают, я не могла.

Сестра закрывает глаза и трёт переносицу.

Вот оно. Сестра. В памяти всплывает имя — Марта. Оно отзывается во мне тёплой болью, хотя я почти не знаю эту женщину. Или всё-таки знаю? Её привычка постукивать пальцем по краю стола кажется знакомой.

Сжимаю виски, внутри мелькает чужой образ: я — маленькая девочка, сижу на этой же лавке, а Марта расчёсывает мне волосы. Воспоминание исчезает прежде, чем я успеваю

рассмотреть её лицо.

— Тебе дурно? — спрашивает Марта.

— Немного. Голова кружится.

— Ложись. Поговорим потом.

Она помогает мне переодеться и укладывает на узкую кровать за занавеской. Тело устало, но уснуть не получается. За стеной Марта двигает посуду и тихо ходит по комнате. Слышу, как она вздыхает.

Вспоминаю корову, которая легла на бок. Если корм был настолько испорчен, другим животным станет хуже. Нужны вода, осмотр, помощь. Не знаю, где в этом мире найти ветеринара и есть ли тут вообще такое слово. Возможно, хозяин вызовет местного лекаря.

Мне хочется встать и вернуться на ферму. Но я уже слышу голос хозяина: «Убирайся». Если снова полезу к коровам, он может выставить меня за ворота окончательно. Хотя куда уж окончательнее?

Я засыпаю ближе к полудню и просыпаюсь от шума за окном.

На улице кто-то кричит. Потом раздаётся стук копыт.

Марта входит в комнату, торопливо завязывая шаль.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— С фермы мальчишка прибежал. Говорит, коровам совсем плохо.

Я сажусь на кровати.

— Сколько больных?

— Почти все. Животы раздуло, хозяин послал за лекарем, но тот живёт в соседнем селении.

Я уже натягиваю чулки.

Марта качает головой.

— Куда ты собралась?

— Туда, — мечусь по комнате, не могу понять, что и как.

— Агата, он же тебя выгнал.

— Там целое стадо. Если я могу помочь, должна попробовать.

— Ты и так всё испортила своим упрямством! Никогда не промолчишь!.

Слова задевают сильнее, чем должны. Я знаю, что Марта боится за нас обеих, но её страх превращается в упрёки. Мне хочется сказать, что я не виновата, в любой ситуации я поступила бы так же. Нельзя смотреть, как животные мучаются, только ради заработка.

Вместо этого я спокойно отвечаю:

— Если бы я промолчала, им стало бы ещё хуже.

Марта отворачивается и берётся за край шали.

— Делай что хочешь. Только помни: если хозяин тебя снова прогонит, я не смогу каждый раз просить его взять тебя обратно.

Я выхожу из дома, не дожидаясь ответа.

Дорога до фермы занимает меньше времени, чем утром. Туман рассеялся, и теперь я вижу поля, редкие деревья и невысокие дома вдали. Над крышами поднимается дым. На

обочине хлюпает грязь, в ней отпечатываются следы телег и копыт.

У ворот фермы стоит мальчишка лет двенадцати. Он переминается с ноги на ногу и поглядывает на хлев.

— Ты Агата? — спрашивает он.

— Да. Как тебя зовут?

— Тим. Хозяин велел никого не пускать, но коровам плохо. Он там один, не справляется.

— Ты видел, что они ели?

Мальчик кивает.

— Ту мешанку. Он сказал, всё в порядке. А потом они начали мычать.

Я вхожу во двор. Запах встречает меня ещё у двери — прокисший корм, навоз и тревожный дух больных животных. В хлеву шумно: коровы беспокоятся, бьют хвостами, пытаются лечь и снова поднимаются. Несколько уже лежат на соломе. Их бока напряжены, дыхание тяжёлое.

Хозяин замечает меня и краснеет от злости.

— Я тебя выгнал!

— Я пришла помочь коровам.

— Уходи.

— Вы уже вызвали лекаря?

— Послал за ним.

— Хорошо. До его приезда уберите остатки корма и дайте животным доступ к чистой воде. Не заставляйте их ходить. Нужно осмотреть каждую.

Хватаю ведро, наливаю воду.

— Ты мне ещё указывать будешь?

— Сейчас не время спорить. Посмотрите на стадо.

На секунду он замолкает. В его лице борются злость и страх. Затем он отступает от прохода.

Я снимаю верхнюю одежду, закатываю рукава и подхожу к ближайшей корове. Сначала осматриваю дыхание и слизистые, потом осторожно ощупываю живот. Животное тревожно косится на меня, но не отходит.

— Тим, принеси чистую воду. И позови кого-нибудь, пусть поможет вынести корм.

Мальчик бросается выполнять поручение.

Он отворачивается, подзывает работника и велит убирать корм. Я не знаю, изменилось ли его мнение обо мне. Сейчас это неважно.

Через час приезжает местный лекарь — пожилой мужчина с кожаной сумкой. Его лицо в мелких глубоких оспинах, кожа обветрена. Он осматривает коров, задаёт вопросы, хмурится над корытом. Я рассказываю всё, что заметила. Он проверяет животных и подтверждает, что испорченная мешанка могла вызвать тяжёлое расстройство.

Мы работаем вместе до самого вечера.

Когда лекарь собирается уезжать, хозяин останавливает меня у ворот.

— Ты утром сказала, что была ветеринаром.

— Да, я... отцу когда-то помогала, — зачем-то вру. Я даже

не знаю, есть ли у меня отец.

А что еще рассказать: мой город, моя клиника, мой прежний мир будто отделены от меня стеной.

— Издалека, — говорю я.

Он хмурится, но больше не расспрашивает.

— Завтра приходи к рассвету. Если коровам станет хуже, понадобится помощь.

На обратном пути я снова прохожу мимо старой ивы. Солнце уже садится, воздух холодеет. У меня болят руки и ноги, одежда пахнет хлевом, а голова всё ещё гудит. Впервые за день я замечаю, что почти ничего не ела.

У дома меня ждёт Марта. Она стоит на крыльце, скрестив руки на груди.

— Ты вернулась, — говорит она.

— Да.

— Хозяин тебя опять прогнал? — она плюхается на лавку, вытирает лицо косынкой.

— Завтра попросил прийти. Ему нужна моя помощь.

Марта смотрит на меня пристально, словно пытается решить, стоит ли продолжать сердиться.

— Пойдем, — Она вздыхает и отступает, пропуская меня в дом.

На столе стоит миска горячего супа. Я сажусь и беру ложку, Марта молча подкладывает мне хлеб.

Я благодарна ей за это молчание. Пока что у меня нет сил объяснять, почему я проснулась в чужом времени, почему

помню жизнь, которой здесь никто не знает, и почему иногда узнаю вещи, которых никогда не видела.

Но завтра мне придётся снова идти на ферму.

А потом — выяснить, где я оказалась и кем была женщина, чьё имя теперь принадлежит мне.

Глава 3. Дорога без указателей

Утром я возвращаюсь на ферму.

Ночью почти не сплю. В голове снова и снова прокручивается вчерашний день: больные коровы, испорченный корм, тяжёлый взгляд хозяина. Придется научится с ним ладить, я не могу подвести сестру еще раз. Утром узнала, что у меня есть трое племянников, он и приехили от тетки и бросились ко мне. Такого подарка я не ожидала, я никогда не общалась с детьми, понятия не имею, как с ними нужно себя вести.

Марта провожает меня до порога.

— Только не ссорься с ним, — говорит она. — Он и так тебя терпеть не обязан. Дети тепеть дома, их коромить надо, пожалуйста! Сама знаешь, меня он на ферме и видеть не хочет, а что я еще могу. Картошка еще не выросла, продержаться нам как-то надо.

Сестра садится на лавку, сейчас она выглядит как старху, у которой ноет все тело.

— Постараюсь.

Она хочет добавить что-то ещё, но лишь поправляет на мне шаль. Я обещаю вернуться к обеду и иду по дороге.

У ворот меня встречает Тим. Он кивает в сторону хлева.

Утром я возвращаюсь на ферму.

Ночью почти не сплю. В голове снова и снова прокручивается вчерашний день: больные коровы, испорченный корм,

тяжёлый взгляд хозяина. Я надеюсь, что к рассвету животным станет лучше. Если лекарь успел приехать вовремя, у стада есть шанс.

Марта провожает меня до порога.

— Только не ссорься с ним, — говорит она. — Он и так тебя терпеть не обязан.

— Постараюсь.

Она хочет добавить что-то ещё, но лишь поправляет на мне шаль. Я обещаю вернуться к обеду и иду по дороге.

У ворот меня встречает Тим. Он кивает в сторону хлева.

— Хозяин там. Коровы уже поднялись, только две всё ещё лежат.

Это хорошая новость.

Прохожу во двор и сразу чувствую запах чистой соломы. Испорченный корм убрали. У корыт стоят вёдра с водой.

Хозяин выходит из хлева, вытирая руки о передник.

— Пришла?

— Вы вчера просили. Думаю, стоит сказать мне "Спасибо"...

Замолкаю, поджимаю губы.

— "Спасибо?" Скажи спасибо, что в темницу тебя не бросили!

Он говорит сухо. На лице у него нет ни облегчения, ни благодарности. Только усталость и раздражение.

Нужно срочно перевести тему разговора, чтобы не вышло чего.

— Как они ночью? — спрашиваю я.

— Лекарь велел наблюдать. Одной стало хуже, но к утру оклемалась.

— Нужно продолжать осмотр. И проследить, чтобы...

Он не дает мне договорить.

— Сам разберусь.

В хлеву мычит корова. Заглядываю внутрь и замечаю, что одна из лежавших вчера уже стоит, но дышит тяжело. Подхожу ближе, осторожно осматриваю её. Хозяин не останавливает меня, однако следит за каждым движением.

— Ей пока нужен покой, — говорю я. — И чистая вода.

— Хватит командовать, кто тебе вообще разрешил рот раскрывть!

— Я объясняю, что нужно делать. Вы же сами вчера видели, что животные страдали.

— А я объясняю, что здесь хозяин я. И в не собирабюсь делать то, что ты тавм сбебе придумала.

Он резко хватает меня за запястье и отводит от коровы. Я выдёргиваю руку.

— Не трогайте меня, — тру запятье.

— Значит, ещё и дерзить будешь? Сначала испортила корм — теперь ходишь тут важная, будто без тебя никто не справится. Я так и знал, что ты все специально сделала, тепеть благодарности хочешь? А вилами по горбу не хочешь?

Я смотрю на корыта. Их уже очистили. На полу видны мокрые следы, а у двери стоит пустой мешок из-под смеси.

— Что? — до сих пор не омгу привыкнуть к этим жестоким нравам.

— Ты здесь больше не работаешь. Забирай свои вещи и не показывайся.

Мне хочется напомнить, что вчера он сам велел прийти. Но по его лицу понятно: он не станет слушать.

— А за вчерашний день вы заплатите? — спрашиваю я.

Хозяин криво усмехается.

— За что? Ты не проработала и дня. И столько проблем мне принесла, иди отсюда!

Его слова обжигают. Я смотрю на него, пытаясь понять, действительно ли ему так легко отмахнуться от случившегося.

Я забираю с крыльца свою шаль и ухожу. За спиной хлопает дверь хлева.

Домой едва тащусь, ноги не слушаются. Просто не представляю, как скажу сестре, что я без работы.

Первая мысль — уйду в такси... Вернее, в прошлой жизни у меня был такой опыт, я перед Новым годом таксовала, чтобы скорее заплатить кредит за крохотное помещение под клинику. Может, лошадь купить и на ней извозом заниматься?

Марта слушает мой рассказ, стоя у стола. Я надеюсь, что хотя бы спросит, как я себя чувствую, но она только хмурится и сжимает губы.

— Я же говорила, что он тебя выгонит, — она хвататеся

себя за волосы. — Агата! Ты все портишь! — А нам теперь что делать? — Марта стучит ладонью по столу. — У нас почти нет денег. На зиму дров не хватит. Хозяин был нашей единственной надеждой на работу.

— Я найду другую.

— Где? Ты хотя бы знаешь, куда пойдёшь?

Я молчу. Она права: не знаю.

Марта отворачивается к печи, но тут же снова поворачивается ко мне.

— Перестань умничать, Агата. Делай свою работу, слушай хозяина — и не было бы этой беды.

— Моя работа — смотреть за животными.

— Тебе нужно идти, — говорит она после паузы. — Искать работу в другом месте. Здесь ты всё равно ничего не найдёшь. Мне бы своих детей прокормить, а ты лишний рот. Я тебя не гоню, но и нахлебницу не потерплю!

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я хочу, чтобы у нас была еда и дрова. Если ты найдёшь место в соседнем селении, может, и мне будет легче.

Собираюсь быстро. У меня мало вещей: платье, запасная рубаха, шерстяные чулки, гребень и маленький мешочек с монетами. Деньги Марта пересчитывает, откладывает несколько монет на хозяйство и отдаёт мне оставшиеся.

— Это немного, — говорит она.

— Спасибо.

Она стоит у двери, пока я складываю вещи в пухлый до-

рожный чемоданчик. Старый, с потёртыми углами и тугой застёжкой. Закидываю его на плечо и оглядываюсь на комнату. В этой комнате живёт чужая, но теперь уже и моя память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.